

Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы участников VIII Международного фестиваля «Вера и слово»

31 октября 2018 г. 11:04

30 октября 2018 года в Зале церковных соборов [Храма Христа Спасителя](#) г. Москвы [состоялась](#) встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с участниками VIII Международного фестиваля «Вера и слово». Предстоятель Русской Православной Церкви ответил на вопросы собравшихся.

– Благословите, Ваше Святейшество. Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата, Таллинская епархия, «Православный собеседник» – газета, которую Вы благословили, спасибо Вам.

В свете последних событий православный мир очень напряженно следит за тем, как развиваются отношения между Константинопольской и Русской Православными Церквями. Сложилось впечатление, что раскол, который произошел в Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата 20 лет назад, – это пробный камень Константинополя. Слава Богу, наш почивший владыка Корнилий, митрополит Таллинский и всея Эстонии, остался верен Матери-Церкви, хотя Церковь наша потеряла тогда часть своего имущества, а раскольники ушли под юрисдикцию Константинополя. Складывалась очень острая обстановка, и только благодаря мудрости нашей Церкви мы сохранили свое лицо. Крестные ходы, которые были проведены в защиту Православия, собрали более 30 тысяч людей, и именно крестные ходы остановили развитие этого острого конфликта.

Ваше Святейшество, может быть, в свете последних событий, того, что происходит сейчас, крестный ход будет тем оружием, которое возможно на поле духовной брани, которое объединяет и показывает наше единство? Мы с заповедями Христа, мы защищаем ценности Христовы! Как Вы полагаете, как сегодня вести себя православному миру, тем людям, которые растерялись? Ведь мы понимаем: «Бог есть любовь», правду невозможно победить, «не в силе Бог, а в правде», – но как себя вести? Спасибо.

– Спасибо Вам за вопрос. Что касается крестных ходов, то в самое трудное время (хотя, может быть, трудные времена еще впереди) Украинская Православная Церковь организовала крестный ход, в котором участвовали более 200 тысяч человек. Телевидение, по крайней мере, российское, это показало. Не знаю, как эту картину показывало украинское телевидение или какие-то зарубежные телеканалы, но это было грандиозное шествие, это было море людей. Мы знаем, с какими трудностями сталкивались те, кто желал участвовать в этом крестном ходе. Люди съезжались со всех мест Украины, из всех областей, и сколько же беззаконий совершалось по дороге! Автобусы останавливали, людей высаживали, раздавались угрозы, иногда отбирались документы – и, несмотря на административное давление, приехало больше 200 тысяч человек! Ну, а если бы его не было? Тогда, наверное, участвовали бы и те, кто дрогнул или, поразмыслив, ехать или не ехать, решил: ну подожду, пока не поеду. Конечно, людей было бы еще больше.

Но вопрос даже не в том, сколько было человек. Была выражена мощная поддержка Украинской Православной Церкви, единственной канонической Церкви на Украине, и ее Предстоятелю Блаженнейшему владыке митрополиту Онуфрию. Эта акция имела очень

большое значение, но ведь она не остановила процесс. Вы сказали, что 30-тысячный крестный ход в Эстонии как-то остановил развитие негативной ситуации...

– В одном Таллине было собрано более 30 тысяч...

– Да, остановил. А на Украине не остановил. Потому что ставки очень велики, и заказ на разрушение единства нашей Церкви имеет глобальное измерение. Это не просто борьба за юрисдикцию, — это борьба за разрушение единственной мощной православной силы в мире. Когда мы говорим о 150 миллионах верующих — это действительно так. Так ведь это 150 миллионов православных людей, которые стараются жить по православным законам! Но посмотрите на развитие современной цивилизации — наши ценности и идеалы не соответствуют тому, что нам навязывает мир. И, несомненно, кто-то решил нанести удар по этому острову свободы.

Почему я называю Православие островом свободы? Потому что мы свободны от глобального оболванивания, от господства над нами чужих мыслей. У нас есть опыт такой свободы: еще в советское время мы существовали в условиях идеологии, которая боролась с любым инакомыслием, и выстояли. Вот и в условиях глобального информационного воздействия, с совершенно конкретными целями, мы тоже остаемся свободными.

Давайте именно здесь искать причину того, почему далеко за пределами Украины возникли мысли об ослаблении Русской Православной Церкви, ее разделении. Кроме того, есть и менее глобальные причины и предпосылки: просто выдавить каноническое Православие из религиозного поля Украины, ослабить его до предела, создать раскольническую, а значит, безблагодатную юрисдикцию. На это нужно смотреть с разных точек зрения. Политики оценивают происходящее с политической точки зрения, а я с чисто духовной: что значит лишить благодати целый народ? Вместо благодатной Церкви, несущей дары Святаго Духа, мы видим перед собой просто ряженых — людей, не имеющих никаких полномочий совершать Божественную службу, а кое-кто из них предан анафеме.

Поэтому трагедия Украины, религиозных разделений на Украине выходит за границы политического поля, имея, я бы сказал, мистическое измерение. Именно так мы должны смотреть на случившееся. Но если говорить о том, что произошло совсем недавно, то мы видим грозный знак того, что раскол перешел границы Украины. Константинопольский Патриарх, нарушая все каноны, которые регулируют отношения между Церквями, вторгается на нашу землю, в нашу Церковь, заявляет о своем праве вторгаться, не имея на то никаких оснований в священных канонах. Это новация последних десятилетий. Это новация, которая приписывает Константинополю полномочия, которых он не имел и не мог иметь по определению.

Мы, как и все, кто занимается такого рода проблемами, знаем историю, знаем, чем был Константинопольский Патриарх. И мы понимаем, почему у него было некое влияние на другие Церкви. Дело в том, что Патриарх был рядом с византийским императором, который управлял всей ойкуменой — отсюда и слово «экуменический», — то есть населенным цивилизованным миром, пребывавшим в орбите греко-римского влияния. Конечно, Патриарх, находившийся рядом с императором и очень часто имевший с ним очень тесные отношения, оказывал на других если не каноническое — такого не было никогда, — но моральное и политическое влияние.

Но в то время строго соблюдались каноны, и ни один Константинопольский Патриарх не вмешивался в юрисдикцию другого Патриарха, это было строго ограничено. И когда нам сегодня говорят, что Константинополь имеет право принимать апелляции из других

Церквей и судить, ссылаясь при этом на каноны IV Вселенского Собора, то это просто обман. Канон ясно говорит, что Константинопольский Патриарх имеет право принимать апелляции только по отношению к митрополитам, входящим в его юрисдикцию.

Существует знаменитое каноническое произведение «Пидалион», в котором даны комментарии на все каноны. «Пидалион» очень уважается и почитается в православном мире (особенно в греческом мире к этому документу до недавнего времени было особое отношение); считается, что эти комментарии имеют основополагающее значение. Так вот, «Пидалион» расшифровывает данный канон и говорит, что Константинопольский Патриарх имеет право принимать апелляции и судить только митрополитов, входящих в его Патриархат, а дальше перечисляется: это не имеет отношения к Александрии, потому что александрийских митрополитов судит Александрийский Патриарх, Антиохии — потому что антиохийских судит Антиохийский Патриархат, и т.д. То есть применительно к нашему времени Константинопольский Патриарх не имеет никаких канонических полномочий и разрешений принимать апелляции от митрополитов других Поместных Православных Церквей.

Ну, а если Предстоятель Церкви грубо нарушает каноны, причем в контексте, не касающемся его собственной личности, его окружения, его клира, и вторгается в жизнь других Поместных Православных Церквей, то как на это реагировать? Если мы промолчим — мы создаем прецедент. А ведь, собственно говоря, разделение Рима и Константинополя и началось с того, что создавались прецеденты: кто-то на что-то закрывал глаза, кто-то из-за лести говорил что-то лишнее в адрес Римского епископа, а потом, когда дело дошло до серьезного конфликта, в Риме стали удивляться: «вы-то что восстаете против? вы же все время соглашались и дифирамбы в наш адрес пели». Вот и сегодня мы имеем дело с грубейшим нарушением канонов со стороны Константинополя. Если вы спросите о моем личном отношении ко всему этому, — я, естественно, переживаю. Вы знаете, я решил поехать и встретиться с Константинопольским Патриархом, чтобы поговорить по-человечески, по-братски, мы же с ним знакомы с 1977 года, еще молодыми людьми вместе работали, писали какие-то тексты. И я предложил встретиться, если Святейшему удобно, на какой-то нейтральной территории, например, в Шамбези (их центре под Женевой) или где-то еще, на что мне ответили: «Нет, Вы должны приехать к нам; только в Константинополе (Стамбуле) с Вами будет разговаривать Патриарх». Я понял, что за этим стоит желание, что называется, поставить на место. Кто-то из коллег даже сказал мне: «Не надо ехать, это унижительно», но я подумал: нет, это не унижительно. Да, это унижительно для тех, кто обращает внимание на подобные игры, но я на них внимание не обращаю. Я готов пешком идти куда угодно, только бы предотвратить такого рода развитие событий, — которое, к нашему сожалению, все же произошло.

И вот я поехал в Константинополь и по-братски разговаривал. Не могу сказать, что Константинопольский Патриарх так уж по-братски со мной говорил, но я пытался сделать все, чтобы его смягчить. Когда я чувствовал, что эмоции моего собеседника начинают превышать допустимый уровень, я брал его за руку и по-братски просил: «давайте спокойно поговорим». И у меня еще оставалась надежда, потому что доводы, которые мы приводили, были очень убедительными. Но, с другой стороны, его позиция по Украине уже тогда была выражена достаточно резко и радикально.

Но все-таки еще раз хочу сказать: надежда умирает последней. Поэтому всем, кто, может быть, критикует меня за то, что я тогда поехал, я и сейчас говорю, что нужно было сделать этот последний шаг. А если бы я его не сделал? Ведь нашелся бы кто-то в вашей среде, кто сказал бы: «Ну почему бы не встретиться, почему не поговорить? Почему не

обсудить эту проблему от сердца к сердцу?» Я свидетельствую: этот шаг был сделан, мы поговорили от сердца к сердцу, но к положительным результатам этот шаг не привел. Но за это уже не мы несем ответственность. Благодарю вас.

– Протоиерей Александр Карпенко, православный журнал «Фома в Украине». Ваше Святейшество, в свете Ваших последних слов такой вопрос. Вызовы, которые ставило время, Церковь встречала соборным разумом, анализируя и принимая решения. Вот и сейчас, когда мы переживаем действительно драматические времена, когда перед всеми нами снова серьезный вызов, когда осуществляется попытка, более того, предпринимаются действия по пересмотру столетий нашей общей истории, сложившегося в течение веков статус-кво, устоявшихся взаимоотношений сестер – Поместных Церквей, – возможно, перед соборным разумом Церкви снова стоит вызов, который она должна соборно проанализировать и принять решение? Могут ли православные в этой ситуации договориться по-христиански? Как Вы видите развитие этой ситуации?

– Я предлагал провести либо Синаксис, то есть собрание глав, либо Собор. Когда мы обсуждали тему Критского Собора, я успокоил Патриарха, который был очень взволнован тем, что целый ряд Церквей не поехал на Собор. Я сказал ему: «Не может же история заканчиваться на Критском Соборе! Давайте развивать дальше соборный процесс! Не все смогли приехать по объективным причинам, после серьезных размышлений, на Критский Собор, но давайте продолжим! Надо, чтобы Соборы у нас собирались не раз в сто лет, а регулярно, и тогда мы бы могли действительно соборным разумом разрешать возникающие проблемы».

Ситуацию, которая сложилась сейчас вокруг Украины в связи с каноническим преступлением Константинопольского Патриарха, нужно обсудить соборно, и многие Церкви сегодня заявляют о необходимости проведения Собора. Но Константинополь, опять-таки, самовластно, без всякой опоры на каноны, присвоил себе право созывать Вселенский Собор. Нигде не сказано, что у него есть такое право. Мы де-факто согласились: кто-то ведь должен созывать Вселенский Собор, а поскольку Константинополь первый по диптиху, то пусть он и собирает. Ну, а теперь получилось так, что эта канонически необоснованная и просто из соображений целесообразности возникшая традиция заводит нас в тупик. Вот не желает Константинополь собирать Собор – и Собор не собирается. Еще раз хочу сказать, что и другие Церкви сегодня выступают за проведение если не Собора, то всеправославного совещания, на котором можно было бы все это обсудить, но, видимо, Константинополь не согласится с таким развитием событий, потому что он не желает объяснять другим причины своих неканонических деяний. Я так объясняю эту позицию.

– Ваше Святейшество, священник Иосиф Глисон из Соединенных Штатов, православный священник, который служит в России, в городе Ростове Великом, и является редактором веб-страницы «Русская вера» на английском языке.

Два года назад мы с женой и нашими восемью детьми приехали из Соединенных Штатов в город Ростов для несения служения. Мой русский по-прежнему не слишком хорош, поэтому прошу простить, что буду говорить по-английски. За последние два года много людей из Западной Европы и Америки заинтересовались и посетили нас в Ростове, поскольку они также рассматривают возможность переезда в Россию. Как и я, они наблюдают нравственные проблемы и кризисы, которые потрясают их страны, и надеются, что Россия будет лучшим местом для того, чтобы жить и растить детей. Однако со стороны официальных лиц и законов чинятся большие трудности, которая меня огорчают; сложный бюрократический процесс затрудняет иммиграцию в Россию.

Возможно ли, чтобы Русская Православная Церковь ходатайствовала перед Правительством России об упрощении процесса иммиграции в Россию, чтобы помочь братьям и сестрам — православным христианам, покидающим родные страны из-за морального кризиса и приезжающим в Россию?

— Конечно, тема иммиграции, тема приезда в Россию иностранных граждан — очень непростая тема. К нам приезжают из разных стран, и большинство приезжих, несомненно, неправославные люди. Поэтому я не думаю, что Церковь может выступить с инициативой об упрощении в целом правил въезда в Россию и принятия Российского гражданства. Но те, о ком Вы говорите, православные люди, в том числе живущие в Соединенных Штатах, — это конечно, совершенно другая категория. Те, кто по своим убеждениям, по своей вере хотят приехать и жить в России, — это иной случай, и не думаю, что это массовое явление. Поэтому, не имея возможности ответить на Ваш вопрос в общем, я бы хотел бы сказать, что в частных случаях Церковь могла бы принимать участие, для того чтобы облегчить этот процесс настолько, насколько у нее есть возможность.

Когда речь идет о православных священниках, о православных семьях, о тех, за кого Церковь могла бы поручиться, — думаю, мы могли бы начать какие-то переговоры с властями о том, чтобы такие люди могли быстрее осуществить свою мечту и поселиться в России. То, что я сейчас говорю, — это не утверждение, это просто размышления вслух, но, надеюсь, мы могли бы поработать с соответствующими государственными органами в случае получения в наш адрес таких обращений.

— **Дарья Косинцева, администратор сообщества «Меньше ада» ВКонтакте. Ваше Святейшество, вот уже более пяти лет я веду православное сообщество, по возможности несу веру и слово в Интернет. И, Вы знаете, всегда очень радуюсь, когда находится священник, который пишет, или снимает видеоблог; всегда с радостью его публикую. Но я все чаще сталкиваюсь с ситуацией, когда для батюшек, которые несут миссию в Интернет, это становится головной болью. Священник, который делает нечто подобное на свой страх и риск, часто не только не получает поддержки в своей епархии, но и сталкивается с косыми взглядами, с непониманием, а нередко с прямыми запретами Священноначалия. Особенно много проблем возникает, когда священник пытается отойти от языка церковного официоза, чтобы общаться с молодежью. При этом атеистических блогеров в Интернете сейчас огромное количество, и для многих современных образованных молодых людей атеизм становится как бы некой естественной нормой. Уровень культуры, образования многих блогеров-атеистов, конечно, оставляет желать лучшего, но они могут говорить с молодежью на ее языке, и их слушают. А священники, которые зачастую умнее, ярче, талантливее, интереснее, боятся что-то говорить, чтобы не столкнуться с очередными проблемами.**

Вот как Вы считаете — есть ли надежда, что ситуация изменится, или пусть все остается тихо-мирно, как сейчас? Говорить о вере с молодежью на ее языке — это какой-то вызов или это нормально?

— Если дело только в языке, то это вопрос решаемый. Но обращение неверующих людей к Богу — это не только вопрос языка. То, что растет количество молодых людей с атеистическими убеждениями, — это в последнюю очередь вопрос языка. Вы можете обращаться к ним на любом языке, но если вы будете говорить то, что идет вразрез с голосом их плоти, с их пониманием того, какой должна быть жизнь, то никаким языком вы их не убедите.

Можно убедить не языком, не фразами, не стилем, а мыслями, если человек перед вами мыслящий. А если человек живет по закону животного мира, то он не будет читать ни одно, ни другое, ни третье. Язык его не привлечет, если будет нечто, что бросает вызов его животному образу жизни, основанному на удовлетворении инстинктов. Но вот с чем я согласен — с тем, что не все молодые люди такие, и что есть среди них люди мыслящие, но при этом активно использующие современный молодежный жаргон. Не думаю, что священнику следует в полной мере овладевать такого рода лингвистическими навыками, это будет выглядеть заигрыванием. Священники должны не столько на уровне слов, сколько на уровне мысли приблизиться к тому, как мыслит современная молодежь. Дело не столько в построении фразы, — думаю, стиль здесь ни при чем, — но священник, обращающийся к молодежи, должен понять, в каких категориях мыслит молодой человек, в какой системе ценностей он живет; священник должен войти в эту систему, не растворяя самого себя, и изнутри помочь понять абсурдность многих взглядов и заблуждений.

Это очень тонкая работа, это не только вопрос языка. Когда священники желают понравиться молодежи и начинают употреблять молодежный сленг, говорить так, как говорят где-нибудь на дискотеке, но при этом в их словах нет ничего, что может «зацепить» человека, — то это пустота, это «медь звенящая и кимвал бряцающий» (1 Кор. 13:1), это клоунада. Сегодня я уже говорил о клоунаде — об интеллектуальной клоунаде, а здесь клоунада лингвистическая. Поэтому я бы предложил так: каждый священник должен разговаривать на том языке, на котором может, который для него является естественным. Вот здесь сидят молодые люди, но я же не корчу из себя юношу, владеющего молодежным жаргоном, и, тем не менее, все меня понимают, верно? Точно так же многие наши замечательные актеры, будучи кумирами для молодежи, не всегда говорят на молодежном сленге. Еще раз хочу сказать: если есть сильная мысль, яркое сравнение, отсылка к опыту переживания присутствия Бога в своей собственной жизни; если есть подлинность, честность, искренность, то это зацепит, вне зависимости от того, в полной мере человек говорит на современном языке, или нет.

Что же касается запретов, — не думаю, что должны быть какие-то запреты. Другое дело, что у каждого архиерея есть архипастырская ответственность за то, как ведут себя священники, в том числе и за то, как они позиционируют себя в медийном пространстве. Возможно, могут быть и некие душеспасительные беседы со священников, но без ущерба для миссии в молодежной среде, я бы так сказал.

— Ваше Святейшество, Алена Горенко, телеканал «Спас». Наше общество сейчас культурно и смыслово разобщено. Вот в советское время — понятно, что тогда было много хорошего и плохого, — люди читали одни книжки, смотрели одни фильмы. Сейчас огромное количество информации, субкультур, иногда аудитория одной социальной сети диаметрально отличается от другой. Я не говорю, что выбор — плохо, выбор должен быть обязательно, но, прощу прощения за такой простой пример, чтобы испечь хлеб, нужно поставить опару. А опара общая для всего, то есть потом мы кладем в нее изюм или яблоки, но база общая. Вот сейчас — есть ли у нас что-то, какие-то культурные ценности, которые являются общенациональными и смыслообразующими для всех?

— Конечно, есть, но насколько эти ценности сегодня преподаются в школе, преподаются подрастающему поколению — для меня большой вопрос. Вы знаете, в какой-то момент меня попросили возглавить Общество русской словесности. И первое, на что мы обратили внимание, — это, конечно, преподавание литературы в школе. Сейчас

происходят какие-то положительные изменения, и, думаю, в конце концов мы договоримся о «золотом каноне», о перечне литературы, которую школьник должен непременно прочитать.

Почему так? Потому что художественная литература формирует определенные ценности в сознании ребенка и особенно в переходном возрасте у подрастающего поколения. Поэтому я хотел бы обратить внимание на то, что ценности, конечно, есть, они присущи нашему народу, живут в нашей литературе, в изобразительном искусстве. Но насколько эти ценности правильно, умно предлагаются в школе детям и особенно подросткам? Конечно, возникают определенные вопросы, и тут нельзя обойти стороной тему подготовки педагогов и тему подготовки соответствующих учебников.

Ну, и самая трудная тема: ребенка можно учить всем этим ценностям дома, в школе, но когда он включает телевизор... Да, «Спас» является исключением, спасибо большое! Я все больше и больше смотрю «Спас». Вообще, у меня мало времени смотреть телевизор, но когда я смотрю, я устаю, особенно от политических баталий, и переключаюсь на «Спас», где даже политические темы интерпретируются совсем иначе, в иной стилистике подаются. Но это исключение из того, о чем я хотел сказать. А если, действительно, все масс-медиа, вся массовая культура будут работать на основе других ценностей, то нужно быть очень мужественным ребенком, очень сильно укоренным в том, чему тебя научили родители, чтобы противопоставить себя всему этому.

Школа, учебники, семья, средства массовой информации, массовая культура... Мы должны договориться о каком-то нравственном консенсусе: что можно, а чего нельзя, какие ценности нужно непременно воспитывать в детях, а от чего их нужно отвращать. Пока наше общество не доросло до способности работать над таким консенсусом, — дай Бог, чтобы в какой-то момент это произошло. Ну, а сейчас надежда на милость Божию, на родителей и на здравый смысл наших детей и молодежи. Спаси Господи.

— Спаси Господи, Ваше Святейшество.

— Константин Мацан, радио «Вера». Ваше Святейшество, сегодня многие эксперты прогнозируют грядущую большую проблему: общество может столкнуться с тотальной безработицей, потому что уже сегодня на многих рабочих местах живых людей заменяет искусственный интеллект. Вы были одним из первых, кто поднимал эту тему на очень высоком уровне в прошлом году в рамках Рождественских парламентских встреч. Как Вы считаете, если прогнозы экспертов сбудутся хотя бы отчасти, если эта проблема перед нами станет, то как изменится наша жизнь и как к этому готовиться? И как, если это произойдет, человеку справиться с внезапной ненужностью и невостребованностью?

— Очень важный вопрос. Он, конечно, должен беспокоить не только людей веры и Церкви, но и государственных деятелей, общественных мыслителей. Единственное, что должен сказать: не впервые человеческая цивилизация проходит через такой кризис. В начале XIX века, когда в Великобритании появились машины, вы знаете, началась даже борьба с машинами, восстание против машин. Люди поняли, что с появлением машин у них открывается перспектива потерять работу, и физически боролись с индустриализацией. Но появление паровых машин на фабриках — это лишь маленькие росточки по сравнению с теми деревьями, которые сейчас выросли. Сплошная компьютеризация, роботизация многих производственных процессов, творческих процессов может привести к появлению огромного количества безработных, молодежи, у которой будет потеряна перспектива найти свое место в жизни.

Общество должно искать альтернативу. У меня нет готового ответа, но я понимаю, что есть такие сферы человеческих взаимоотношений, где никакая машина не сможет работать. В первую очередь это педагогика, это воспитание. Сейчас огромное количество менеджеров и юристов не могут найти работу, потому что в конце 90-х и в начале нулевых мечтой всех было стать банкиром или юристом, но мало у кого было желание становиться инженером. Сейчас ситуация, к счастью, изменилась, и может быть, по мере сокращения и умирания одних профессий общество станет нуждаться в других профессиях. Думаю, воспитание — это сфера, которая может вобрать в себя очень большое количество профессионально подготовленных людей.

Но это лишь навскидку, один из проектов. Надо думать, думать всем — и власти имущим, и тем, кто ставит перед собой такие вопросы, и Церкви, — что может произойти с обществом, какие буквально катастрофические последствия могут произойти, если вовремя не решить эти проблемы. Разделяю Вашу озабоченность, но, к сожалению, у меня нет готового ответа.

— Спасибо.

— Ваше Святейшество, благословите. Священник Вячеслав Клименко, **Екатеринодарская епархия. Свой вопрос составил в тему предыдущего. Можно отметить, что технические достижения упрощают жизнь человека, но при этом в обществе считается, что показателем прогресса является некий уход от традиционных ценностей. Как Вы считаете, на этом пути к упрощению, к удобствам всегда ли человечество будет скатываться во грех или этого как-то можно избежать? Спасибо.**

— Сколько существует человечество, со времен Адама и Евы, люди скатываются во грех. Невозможно замерить масштаб этого явления, потому что иногда нам кажется, что весь мир в погибели, а потом мы вдруг сталкиваемся с такими примерами святости, самоабвенного служения идее, Родине, Церкви, что понимаем, как много праведников. Но так уж мир устроен, в том числе журналистский мир, что о праведниках не очень много пишут. Ведь праведник не привлекает особого внимания, потому что это человек тихий, даже если он занимает высокий пост в государстве или в какой-нибудь компании, на производстве.

Но я глубоко убежден в том, что само существование человеческой цивилизации зависит от соотношения добра и зла. Если зло превысит добро, если зло загонит добро в гетто, то наступит конец цивилизации, потому что зло нежизнеспособно. Я уже об этом много раз говорил: если развивать идею зла, открыть все возможности для зла, убрать все сдерживающие зло факторы, то оно будет бесконечно стремиться к тому, чтобы отвоевать для себя все больше и больше пространства, набрать все больше и больше сил. И если у человечества не будет возможности и способности ограничивать зло добром, то наступит конец, смерть, потому что апогеем зла является смерть и небытие. В этом смысле апокалипсис — это и есть победа на земле зла, которое нежизнеспособно и которое, как свидетельствует слово Божие, приведет человеческую цивилизацию к гибели.

Но что это означает для нас? Для нас это означает, что апокалипсис может наступить когда-то в обозримое время, в каких-то метафизических горизонтах бытия. И все зависит от того, насколько мы будем хранить добро, укрепляться в добре, в хорошем смысле слова пропагандировать добро — через проповедь, через кинематограф, через литературу, через творчество. Мы должны бороться за расширение пространства добра. Вот задача Церкви, и в этом смысле она имеет, если хотите, апокалиптическое измерение.

— Ваше Святейшество, благословите! Священник Александр Кухта, Белорусская Православная Церковь, Минская епархия. В продолжение прозвучавшей темы скажите: как Вы думаете, можем ли мы пережить некий ренессанс, новое возрождение, заново влюбиться в христианство? Или все, что нас ждет, — это тихое увядание на тающей льдине до самого конца?

— Вы имеете в виду возрождение веры, возрождение христианства? В истории были разные возрождения, не будем давать им оценок...

— Исключительно христианства.

— Почему бы нет? Я сам пережил такое возрождение в послевоенном Ленинграде. Вспоминаю, как все храмы — их было лишь 16 — были забиты народом. Мой отец служил тогда в двух ленинградских храмах. Во-первых, на Смоленском кладбище, где часовня Ксении Блаженной. В моих воспоминаниях сохранилась огромная вереница людей, которые выстраивались в очередь, уходящую далеко за пределы Смоленского кладбища, для того чтобы прикоснуться к могиле Ксении Блаженной, в то время еще не канонизированной. И переполненный Спасо-Преображенский собор в четверг вечером, когда мой отец читал акафист святителю и чудотворцу Николаю. Переполненный собор, площадь перед собором вся забита людьми, а иногда толпа тянулась — кто знает Петербург, тот будет поражен, — вплоть до Литейного проспекта. В Пасхальную ночь движение на Литейном проспекте перекрывалось. И это было не потому, что храмов было мало, — это был религиозный ренессанс. А почему? Война! Во время тяжких страданий люди многое переосмыслили. Очень многие поняли, что такое цена жизни. Очень многие прошли через личный опыт участия небес в их жизни. Люди молились Господу, чтобы избежать смерти, гибели, и спасались чудом. Сохранилось множество рассказов о чудесах, совершавшихся во время войны, в том числе среди тогдашних ленинградцев, петербуржцев, которые пережили блокаду. Это был личный религиозный опыт, невероятно драматический и очень сильный. И на основе этого опыта в Советском Союзе началось реальное религиозное возрождение.

Почему же потом наступили хрущевские времена, возобновились гонения? Партия переполошилась, потому что и через десять лет после войны религиозность не только не сокращалась, а напротив, возрастала. И тогда наступил 1956 год, были приняты соответствующие партийные постановления, а потом, в начале 60-х, — жесткое, отвратительное гонение на Церковь, развязанное Хрущевым.

Такова история. Потому ренессанс очень даже возможен, и одной из причин может стать разочарование в той технократической цивилизации, которая сейчас с таким энтузиазмом создается. В какой-то момент люди могут достичь критической оценки всего того, что происходит в мире, и почувствовать, что без Бога никакая наука и технология, никакая технократия не спасает человека и не делает его счастливым. Думаю, мы еще переживем религиозный ренессанс.

— Ваше Святейшество, благословите! Священник Святослав Шевченко, Благовещенская епархия. Хочу коснуться вопроса, который Вы уже озвучили в своем обращении. Сегодня в Церковь приходит много молодых людей с определенной жизненной позицией, и некоторые из них хотят перестроить Церковь под понятный им формат. В социальных сетях обсуждается, какой Церковь должна быть. Что бы Вы, Ваше Святейшество, посоветовали таким новоначальным христианам, которые хотели бы осовременить церковную жизнь?

— Думаю, мой ответ не должен быть сформулирован в неких рациональных категориях — мол, нужно сделать то-то и то-то. Это все неправильно. Новоначальным нужно помочь

понять красоту, силу, притягательность духовной жизни. Вот если бы Церковь наша, пастыри наши учили на своем собственном примере, на примере проповеди, на примере организации церковной общины, где бы каждый чувствовал свою нужность, где бы создавалась система солидарности и поддержки, то, думаю, тем, кто стремится усовершенствовать Церковь, не удавалось бы вносить в жизнь общины какие-то деструктивные элементы.

В конце концов все зависит от того, как мы строим нашу церковную жизнь, от ревности пастырей, от их искренности, от их стремления работать тесно со своей паствой и реально помогать людям. Очень многое зависит от нашего епископата, от его озабоченности теми проблемами, которыми живет сегодня человек, от осознания необходимости выстраивать пастырскую, социальную, молодежную, миссионерскую, просветительскую работу в Церкви, которая бы отвечала нуждам людей и способствовала укреплению веры в человеческих сердцах. Другими словами, нужно жить самим по заповедям и делать все для того, чтобы Имя Божие прославлялось.

— Анжела Тамбова, руководитель пресс-службы Екатеринбургской епархии. Ваше Святейшество! Позвольте прежде всего передать Вам слова благодарности от всех участников памятных июльских дней в Екатеринбурге, посвященных 100-летию духовного подвига Царской семьи. Ваш Первосвятительский визит стал для нас настоящим праздником духа, и этот духовный подъем пребывает в наших сердцах по сей день. Благодарю Вас!

Мой вопрос. Как и сто лет назад, наше общество волнуют вопросы справедливости. Запрос на нее резко возрос в наши дни. Один процент россиян владеет половиной всех богатств страны, пять процентов — тремя четвертями. Входит ли этот вопрос в христианскую повестку дня, или православным лучше не задаваться им, чтобы не искушаться, не впадать в отчаяние, зависть, уныние? И как не ожесточиться? Спасибо.

— Думаю, в церковную повестку дня прямо не входит вопрос, что нужно сделать, чтобы преодолеть угрожающую единству и стабильности нашего общества расширяющуюся бездну между богатыми и бедными. Это вопрос справедливости. Я не буду забежать вперед, но у нас будет Всемирный русский народный собор, и мы будем говорить там на тему справедливости. Церковь не может замалчивать эту проблему, потому что от нее зависит стабильность общественной жизни и самочувствие огромного количества людей. Не думаю, что уместны какие-то советы, особенно радикальные, — отнять, разделить и так далее. Через все это мы проходили и помним, как грабили помещичьи усадьбы, как разграбили и опустошили всю Россию, как тащили в свои дома настенные часы, которые тут же ломались, канделябры, которые потом находили где-нибудь в хлеву, и так далее. Все это мы уже проходили, и если кто-то будет провоцировать нас на радикальную перемену ситуацию, то это будет очередная ошибка. Полагаю, наш народ второй раз не наступит на эти грабли. Но в режиме мирного, спокойного диалога и развития всех аспектов жизни нашего общества мы не можем обходить стороной вопрос справедливости. Конечно, сегодня это запрос общества, к которому присоединяются также многие политики. Предлагаются, как вы знаете, разные схемы, я не буду входить в их рассмотрение, — какими должны быть налоги и т.д. Но, конечно, эта проблема должна быть в центре внимания и власти, и общества, и Церкви, которая озабочена тем, чтобы наше общество становилось справедливым и солидарным. Сегодня мы очень нуждаемся в том, чтобы быть солидарными. Перед нашей страной, перед нашим народом огромное количество вызовов, и мы можем ответить на эти вызовы и внутренние, и внешние только в том случае, если мы как народ и как страна будем солидарны.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси